

Ночь была тёмна, как чернила, резные окна из розового дерева были приоткрыты, и в дом врвался прохладный ветерок. Погода в начале августа обычно была жаркой, но в это время было так холодно, что пробирал озноб. Во внутренней комнате зала Шоу'Ань находилось много людей: они сидели или стояли. Пожилая госпожа Шен лежала на кровати, глаза её были закрыты, под ними залегли тёмные тени. Её лицо было бледным до синевы, а её обычно здорово выглядящие щёки теперь казались запавшими. Минлань ещё никогда не видела свою бабушку такой старой и слабой.

Старшая служанка Фан стояла в стороне, расстроенная и растерянная.

На сердце Шен Хуна было беспокойно, он чувствовал себя муравьём, оказавшимся на раскалённой сковороде. Он стоял в трёх шагах от кровати и не сводил взгляда с лекаря Линя, который, не моргая, слушал пульс. После некоторого ожидания, он, наконец, не выдержал:

— Лекарь... Матушка... Это...

Императорский лекарь Линь медленно убрал четыре пальца с правой руки пожилой госпожи, встал, повернулся к нему и произнёс:

— Ей нужно отдохнуть и восстановить силы, в комнате не должно находиться много людей. Давайте выйдем, чтобы обсудить этот вопрос, господин Шен.

Шен Хун поспешно вышел вместе с ним. Поколебавшись, Минлань взглянула на Хай Ши, которая хлопотала у кровати, и увидела, что та улыбается:

— Сестрица, тоже иди, послушай, я побуду здесь, — сказала она.

— Спасибо, невестка, — кивнула Минлань и поспешила к выходу.

Когда она вышла в холл, она увидела, что Чанфен сидит во главе с Шенхуном, а Лю Ши предлагает лекарю чай. Ван Ши несколько раз повторила:

— В чём дело?

— Это... Трудно объяснить, — поколебавшись, ответил лекарь Линь. Увидев, что входит Минлань, он заколебался. — На данный момент состояние стабилизировалось.

Шен Хун вздохнул с облегчением, его лицо светилось благодарностью.

— Спасибо за работу. Что бы вам ни понадобилось, императорский лекарь, просто скажите, и я сделаю всё, что смогу.

Императорский лекарь Линь улыбнулся.

— Ваша сыновняя почтительность достойна всяческих похвал.

— Моя бабушка имеет крепкое и хорошее здоровье, почему она так внезапно слегла? — подходя, тихо спросила Минлань. — Императорский лекарь Линь, не могли бы вы дать объяснение?

— Сейчас так поздно! Мы уже слишком побеспокоили императорского лекаря Линь, позвав его сюда, — нахмурившись, сказала Ван Ши. — Как ты можешь быть такой грубой, спрашивая! У императорского лекаря ещё есть дела!

— Всё в порядке, мой долг — исцелить не только пациента, но и сердца родственников, — улыбнулся императорский лекарь Линь. Он слегка повернулся, чтобы не видеть Ван Ши, и посмотрел в глаза Минлань. — Она стара. Когда я стану старше, моё здоровье также будет не таким хорошим, как у молодых людей. С телом и костями пожилых всегда что-нибудь случается. Пока я не могу назвать точной причины, мне необходимо понаблюдать ещё немного.

— То, что вы говорите, правда, — смотря на него, медленно ответила Минлань. — Говорят, болезнь подобна горному обвалу... — она утёрла платком уголки глаз. — Моей бабушке уже много лет...

— Верно. Старое тело просто было не в порядке, — удовлетворённо произнесла Ван Ши. — Я планировала сообщить тебе утром, но кто бы мог подумать, что слуга так быстро позовёт тебя среди ночи! Теперь кажется, что мы совсем не заботимся о тебе, — она повернулась к императорскому лекарю. — Ты даже пригласила императорского лекаря, доставив ему столько неприятностей...

Шен Хун осознал, что слова Ван Ши становятся всё более и более неподобающими.

— Молчи! Минлань — почтительный ребёнок, а ты смеешь так говорить! — шикнул на неё он.

— Ещё не так уж поздно, но сестрица так редко приезжает сюда. Почему бы ей не остаться здесь, дома? У меня есть подготовленная комната, я могу отдать распоряжения, когда вернусь, — заметив, что атмосфера в холле стала неловкой, тихо произнесла Лю Ши. Она повернулась к лекарю и добавила. — А вы, лекарь...

— Нас нередко вызывают по ночам и просят присмотреть за больным. Не беспокойтесь, юная госпожа, — махнув рукой, улыбнулся императорский лекарь Линь.

— Хотя состояние бабушки сейчас стабильно, она не очнулась, — произнесла Минлань. — Я просто надеюсь, что императорский лекарь сможет остаться здесь на одну ночь, чтобы нам было спокойнее. Если у бабушки случится ещё один приступ ночью, что я смогу сделать?..

Ван Ши нахмурилась и собиралась заговорить, но Шен Хун опередил её.

— Всё так, мы вынуждены попросить императорского лекаря помочь нам проявить осторожность.

Шен Хун встал и вежливо поклонился. Императорский лекарь Линь поспешно встал и поклонился.

— Не нужно, не нужно, я сделаю пожилой госпоже несколько сеансов иглоукалывания, и присмотрю за ней, но сначала попрошу Тун'эра вернуться за лекарствами.

— Императорский лекарь, я попрошу кого-нибудь сопровождать его, — тихо произнесла Минлань.

Императорский лекарь кивнул, благодаря её.

— Я напишу рецепт.

Лю Ши тут же позвала слуг, чтобы те принесли кисть и чернила. Почерк императорского лекаря был подобен ветру, поэтому потребовалось некоторое время, чтобы понять его. Шен Хун внимательно прочёл рецепт, но большинство трав считались слабыми и были не слишком эффективными. Он не смог не нахмуриться. Посмотрев на императорского лекаря, чьё лицо было спокойным, не смог заговорить.

После того как Тун'эр вышел с рецептом, императорский лекарь вернулся во внутреннюю комнату, чтобы присматривать за пожилой госпожой Шен.

— Сейчас уже поздно, поэтому, пожалуйста, отправляйтесь отдыхать как можно скорее, — произнесла Минлань. — Третий брат тоже должен вернуться, — она подошла к Лю Ши и взяла её за руку. — Третья невестка только-только родила, ей нельзя уставать.

— Ты тоже можешь отдохнуть, твоя невестка позаботится о пожилой госпоже... — сказал Шен Хун.

— Всё детство меня воспитывала бабушка, — расплакавшись, произнесла Минлань. — Её

доброта ко мне была бесценна, но я замужем, и больше не могу находиться подле неё днём и ночью. Я должна заботиться о своём маленьком сыне... Поэтому, сегодня я прошу вас позволить мне позаботиться о бабушке ночью, и сделать всё, что я смогу сделать.

— Всё в порядке, — кивнул Шен Хун, не задумавшись ни на мгновение. — Этим вечером ты можешь остаться, чтобы позаботиться о пожилой женщине, — он взглянул на Ван Ши. — В будущем главная госпожа будет подавать суп пожилой госпоже, можешь не беспокоиться об этом.

Лицо Ван Ши некрасиво исказилось, она закусила губу — её свекровь была больна, не внучка должна была заниматься этим, а она, как невестка действительно должна была служить ей.

Шен Хун снова вошёл во внутреннюю комнату, некоторое время поговорил с пожилой женщиной, пребывающей в бессознательном состоянии, и приказал старшей служанке Фан как следует заботиться о ней. Когда он закончил, Минлань произнесла с заботливой улыбкой:

— Отец, разве вам не нужно завтра в суд? Отправляйтесь отдыхать.

Шен Хун погладил бороду и улыбнулся. Его восхищение поведением Минлань невозможно было передать словами.

— Мне стоит взять выходной завтра.

— Отец тоже стар, я здесь, чтобы позаботиться о вас. Отец — опора семьи, вам нельзя перетруждаться и уставать, — добавила она.

Шен Хуну было очень приятно это услышать, он был очень доволен. После того как Минлань сказала ещё несколько фраз, чтобы уговорить его уйти отдыхать, он увёл Ван Ши и остальных.

Увидев, что толпа, наконец, ушла, Минлань перестала улыбаться, её взгляд сделался холодным, а выражение лица — ледяным. Она отправила старшую служанку Фан позаботиться о дверях и окнах, и прошла прямо во внутреннюю комнату и посмотрела на императорского лекаря Линя.

— Хоу доверяет вам, поэтому я не стану ни в чём обвинять вас. Я хочу знать ответ только на один вопрос: как пожилая госпожа заболела?

Императорский лекарь Линь, казалось, ждал этого вопроса. Услышав его, он встал и произнёс тихим голосом.

— Госпожа Гу, старушка... действительно очень больна, у неё рвота, понос, её тело время от времени сводит судорогами, — он замешкался.

— Можете говорить прямо, — произнесла Минлань.

— Это не болезнь, это похоже на... это похоже на... отравление.

Минлань была убита горем, она глубоко вздохнула и медленно опустилась на стул.

— Вы уверены в этом?

— Это... — императорский лекарь Линь задумался. — Хотя у меня есть семь или восемь пунктов уверенности, я не могу гарантировать это на сто процентов. Если я смогу проверить еду, которую сегодня ела пожилая госпожа Шен, я смогу подтвердить эти догадки.

В это время внутрь вошла старшая служанка Фан. Услышав эти слова, она была потрясена.

— Что сегодня ела бабушка? — спросила Минлань.

Она десять лет жила с пожилой госпожой Шен и была хорошо знакома с её привычками. Старшая служанка Фан следовала за ней многие годы, и вместе с ней поклонялась Будде в течение десятилетий. Она была очень дисциплинирована в своей повседневной работе и отдыхе, и она никогда не была жадной или прожорливой. Еду было нетрудно проверить.

— Я тоже считаю эти симптомы странными, — с ненавистью произнесла старшая служанка Фан. — У госпожи всегда было хорошее здоровье, как она внезапно может так слечь? Это невозможно! Сегодня она лишь завтракала и обедала, и в эти приёмы пищи почти ничего не съела из-за жары. Еде легко испортиться в такую погоду, поэтому она не позволяет нам доедать остатки. Вся еда в ведре с помоями...Но этот запах...

— Бабушке готовят еду каждый день её служанки, так что давайте не будем спешить, — подняла руку Минлань. — Помимо двух приёмов пищи, что ещё бабушка ела сегодня? — все жизни служанок зала Шоу'Ань находились в руках пожилой госпожи Шен, поэтому не было смысла подозревать их.

Старшая служанка Фан на некоторое время задумалась.

— В последние годы пожилая госпожа Шен пристрастилась к сладкому. В Цзюфанчжае есть старый мастер, который делает вкусные пирожные с гибискусом и семенами лотоса, уникальная сладость для столицы. Она очень любит их... Их делают лишь дважды в месяц, и каждый раз госпожа отправляла кого-нибудь, чтобы купить их, — говоря это, она была в ужасе.

— Говори быстро, — с тревогой поторопила Минлань.

— В начале этого года пожилая госпожа сказала, что сын Чанбая уже достаточно взрослый,

чтобы соблюдать этикет, — обливаясь потом, принялась рассказывать старшая служанка Фан. — Поэтому она попросила его каждый день приветствовать Шен Хуна и Ван Ши. Главная госпожа увидела своего внука, ей очень понравилось его поведение, поэтому она взяла на себя инициативу и каждый раз отправляла перед рассветом людей, чтобы те подождали у входа в Цзюфанчжай, чтобы купить пирожных для пожилой госпожи...

— Значит, в этот раз десерт тоже был отправлен главной женой? — голос Минлань слегка дрожал.

— Прошло уже несколько месяцев! Ни разу не происходило ничего подобного! — запаниковала старшая служанка Фан.

Минлань, ошеломлённая догадкой, тут же попросила служанок принести остатки пирожных.

— Это действительно яд, — после проверки лицо лекаря Линя побледнело. — Это не обычный яд, вроде мышьяка. Это сок, извлечённый из почек гинкго.

Листья гинкго были съедобны, но бутоны — нет. По идее это было пищевое отравление, но яд невозможно было обнаружить серебряной иглой. Лекарь Линь указал на остатки пирожных и произнёс:

— Жара спасла её. Десерт слишком сладкий и жирный, поэтому она съела немного. Если бы она съела ещё кусочек, даже Бессмертные не смогли бы её спасти.

— Её всё ещё можно спасти? — дрожащим голосом спросила Минлань.

— Сначала используйте лекарство, чтобы вызвать рвоту, Затем я сделаю ей иглоукалывание. Затем мы дадим ей противоядие, — отдал указания императорский лекарь, а затем задумчиво добавил. — Однако пожилая женщина очень стара, её тело не так сильно, как у молодых людей. Её жизнь всё ещё в большой опасности...

Минлань крепко сжала кулаки, холодный пот выступил у неё на лбу. Она несколько раз поклонилась.

— У нас есть шанс лишь благодаря императорскому лекарю!

Хотя госпожа Гу Хоу была моложе его дочери, императорский лекарь поспешно ответил на её поклон.

— Это мой долг, — сказал он, и попросил кого-нибудь помочь ему.

Минлань вышла в холл, ощущая тяжесть на шее. За ней вышла старшая служанка Фан, вся в

слезах.

— Что за волчья душа... Девочка... мы... Но... Что нам делать?..

Поддерживая её дрожащее тело, Минлань мягко улыбнулась Цхуйпин.

— Цхуйпин, ты всегда внимательна, я вынуждена побеспокоить тебя. Эти несколько дней присматривай за пожилой госпожой и помогай императорскому лекарю Линю.

— Не волнуйтесь, шестая госпожа, я сделаю всё возможное! — Цхуйпин утёрла слёзы.

В последние несколько дней Жулань сопровождала госпожу Вень, и навещала вместе с ней родственников в сельской местности. Сицюэ заботилась о её дочери, поэтому Жулань отправила Цхуйпин и Сицзюань отдохнуть на несколько дней, чтобы они могли вернуться в родительский дом. Цхуйпин изначально была в приданном пожилой госпожи Шен, поэтому она часто приходила в зал Шоу'Ань, чтобы поприветствовать её и встретиться со своими старыми сёстрами.

Неожиданно, когда такое случилось, и все во внутреннем дворе запаниковали, старшая служанка Фан успокоила её тем, что она больше не принадлежит к поместью Шен, и отправила её в поместье Хоу, чтобы передать новость.

Увидев, как Цхуйпин вошла во внутреннюю комнату, Минлань обернулась к старшей служанке Фан.

— Пожалуйста, позаботьтесь о слугах зала Шоу'Ань. Информация об ситуации не может быть разглашена.

— Если кто-то посмеет болтать, я немедленно вырву ей язык! — с ненавистью воскликнула старшая служанка Фан. Затем она поклонилась и поспешно вышла.

Минлань достала из рукава небольшой знак, медленно потёрла его в ладонях и обратилась к Сяотао:

— Ты знаешь, сколько дверей в этом поместье?

— Я знаю, их всего пять, — сглотнув, кивнула Сяотао. — Передние ворота, задние ворота, боковые ворота рядом с передними, боковые ворота для повозок и лошадей на западе, малые ворота у сада у пруда...

Она родилась в деревне и с детства была живой и активной, когда все поняли, что она маленькая и глупая, ей позволяли бродить по дому беспрепятственно. Минлань боялась, что в

поместье Шен есть несколько собачьих норм, но Сяотао знала бы о них.

Минлань вручила ей знак, Сяотао, изумлённая, приняла его.

— Иди к братьям Ту, — лицо Минлань ничего не выражало. — Окружите поместье Шен изнутри и снаружи, заблокируйте все входы и выходы! Никто не должен войти и никто не может выйти!

Сяотао, которая всегда была смелой и прямолинейной, похлопала себя по груди и заявила:

— Не волнуйтесь, главная госпожа, я пойду прямо сейчас!

Когда она вышла, Люйчжи расплакалась.

— Главная госпожа, неужели это... — она не осмелилась говорить дальше.

Минлань встала рядом с кроватью архата, на которой в холле обычно сидела пожилая госпожа Шен, положила руки на столик и уставилась на чётки из красного дерева, лежавшие на нём. Рядом стояла блестящая рыба из розового дерева, которая была любимой вещью старушки и использовалась на протяжении десятилетий.

Она медленно перевернула её и увидела, что на дне деревянной рыбки есть несколько белых отметин — это случилось холодной зимой, когда ей было семь лет. Она была маленьким человечком, который нацарапал на этой рыбке несколько слов после того как уронила её, упав с кровати. В тот день бабушка так испугалась и побледнела, что долго утешала и гладила её.

Минлань посмотрела на белую фарфоровую чайную чашку, и почувствовала, как её переполняет обида и ярость.

Она схватила чашку и, швырнув её в стену, пронаблюдала за тем, как та рассыпалась на мелкие осколки.

— Тварь! — тяжело выдохнула она.